

Понять по-своему

Почти вся творческая жизнь заслуженного артиста республики Василия Гончаренко связана с Белорусским театром оперы и балета, на сцену которого он выходит вот уже около 20 лет. Недавно наш корреспондент Н. Первякова поздравила артиста с днем рождения — ему исполнилось пятьдесят — и попросила ответить на несколько вопросов.

— Василий Демьянович, что привело вас на оперную сцену?

— Случай.

— И как это произошло?

— В детстве мне не пришлось заниматься музыкой. В четырнадцать лет пошел работать на завод. Жил я на Украине, а там песню лю-

бят все. Любил ее и я, но сам петь стеснялся. Только повзрослев, немного осмелел и стал с ребятами, что по вечерам собирались в одном из уголков нашего двора, петь под гитару. Душой этих самодеятельных концертов был соседский парень, студент Днепропетровского музыкального училища. Услышав, как я пою, он заставил меня пойти на прослушивание в училище. Волновался я на этом прослушивании ужасно. Пел тенором популярные песни, подражая Лемешеву. К моему большому удивлению, мне предложили посту-

пать на вокальное отделение, но петь не тенором, а баритонем. И вот только в двадцать лет я начал постигать тайны музыкальной науки. А потом стал посещать самодеятельную оперную студию Дворца культуры при заводе имени Петровского. Руководил ею удивительный человек — Николай Корнеевич Мельник. Его преданность искусству не знала границ. Это чувство ему удалось передать и нам, молодежи. Через год я спел свою первую оперную партию — Султана в «Запорожце за Дунаем» Гулака-Артемовского и на-

чал разучивать партию Онегина...

— Я знаю, что партия Онегина проходит через все ваше творчество, начиная с дипломного спектакля Киевской консерватории. По-видимому, отношение к этому образу на протяжении стольких лет не могло оставаться неизменным...

— Конечно, жизненные впечатления и накопленный опыт не проходят бесследно. В мои молодые годы Онегин виделся мне легкомысленным повесой, не отдающим себе отчета в своих поступках, что и погубило его. Теперь же я воспринимаю его как человека

более сложного, мыслящего, ставшего жертвой окружающей среды.

— Каждый театральный сезон певец, как правило, выводит на сцену все новых и новых героев. Интересно, как происходит «вживание» в образ?

— Очень важную роль играет профессиональная подготовка. Мне повезло. Я занимался в Киевской консерватории у такого выдающегося мастера, как Иван Сергеевич Паторжинский. Это был требовательный и суровый педагог, который добивался от своих учеников прежде всего осмысленного пения. Он

приучал нас ежедневно совершенствовать певческие навыки на обширном и разнообразном репертуаре. Вот тогда-

то сформировались у меня основные принципы работы над каждой партией — стремление добиться искренности в передаче человеческих чувств, естественности жизни героя на сцене и логичности его поведения, органичности взаимоотношений героя с другими персонажами спектакля. На первом этапе работы я никогда не слушаю записей или исполнения на сцене той или иной партии другими певцами. Стараюсь понять образ по-своему, — Но оперной сценой не ограничивается ваша творческая жизнь. Часть

своего времени вы отдаете концертному исполнительству, камерному пению...

— Меня очень увлекает эмоциональный мир человека. И понять этот мир помогает камерно-вокальная музыка. В ней раскрывается беспредельный мир человеческой души. К тому же, камерное пение — прекрасная школа для вокалиста. Немаловажно для меня и то, что концертное исполнительство значительно расширяет аудиторию слушателей. Ну, а каждая встреча с новой аудиторией — будь то рабочие или колхозники, воины или студенты — творческая радость, новые жизненные впечатления.

Н. ПЕРВЯКОВА.